

МОЛОДЕЖНЫЙ МЕДИААСКЕТИЗМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

А.И. Никифорова,
Самарский университет
О.А. Малаканова,
Самарский университет

Аннотация. В статье рассматривается феномен медиааскетизма в цифровой среде как новой социальной практики потребления информации среди молодежи. Авторами выделяются ограничительные практики потребления Интернета и дается их характеристика на основе анализа транскриптов 22 свободных интервью респондентов в возрасте от 18 до 34 лет.

Ключевые слова: медиааскетизм, цифровая среда, молодежь, социальная проблема, социальный феномен.

YOUTH MEDIA ASCETICISM IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AS A SOCIAL PHENOMENON

A.I. Nikiforova,
Samara University
O.A. Malakanova,
Samara University

Abstract. The article examines the phenomenon of media asceticism in the digital environment as a new social practice of information consumption among young people. The authors identify restrictive Internet consumption practices and characterize them based on the analysis of transcripts of 22 free interviews of respondents aged 18 to 34 years.

Keywords: media asceticism, digital environment, youth, social problem, social phenomenon.

Современные условия существования человека, связанные с необходимостью соблюдения правил социального дистанцирования, с одной стороны, активно повлияли на то, что цифровая среда распространяется на всё большее количество сфер жизнедеятельности людей. Но, с другой стороны, именно в это время мно-

гие люди начинают четко контролировать время и практики потребления информации в интернете, таким образом прибегая к различным вариантам медиааскетизма [1].

В настоящее время отмечается тренд «выпиливаться» из социальных сетей [2].

Медиааскетизм – это понятие, относящееся к цифровой среде, так как подобное поведение людей (контроль индивидуального использования интернета) возникло именно по отношению к цифровой среде, которая является значимым пространством для существования и социального взаимодействия людей в современном обществе и характеризуется повышенной мобильностью, автоматизированностью получения, обработки и передачи информации [3].

Медиааскетизм как социальный феномен и коммуникативная практика предполагает осознанное использование медиа, которое может проявляться в форме отказа или ограничений от использования Интернет-ресурсов. Исследователи отмечают, что появилась тенденция к постоянному или временному отказу от коммуникации в цифровом пространстве как проявление саморегуляции в условиях риска [4, с. 145].

Медиааскетизм складывается из двух взаимосвязанных элементов: понимания (навыки владения цифровыми технологиями, понимание цифровых основ, цифровая грамотность) и действия (конкретные практики, которые предпринимаются с целью контроля за собой в цифровой среде) [5, с.269].

Коммуникативные практики медиааскета заключаются в осознанности и контроле за собой, своим поведением при использовании технологий и получении медиаконтента. Несмотря на то, что аскетизм отсылает к религиозной практике, главным является не религиозный аспект слова, а первоначальное значение: от греческого «Askeō» – «упражнение» или «тренироваться» [6, с.92].

И, таким образом, сущность этой практики в самодисциплине для достижения идеала или цели. Практика медийной аскетике не предполагает отказ от технологии. Наоборот, необходимо планомерно разбираться и анализировать различные социальные дискурсы в цифровом пространстве, уметь рефлексировать и критически осмысливать. Другой особенностью является то, что цель медийной аскетике – не отдохнуть от технологий, а выработать собственное отношение к ним.

Теоретический анализ понятия «медиааскетизм» позволяет выделить следующую его специфику и основные характеристики. Оно неразрывно связано с понятием цифровой среды, которая характеризуется тем, что предоставляет информацию при помощи персонализированных цифровых средств [7].

Медиааскетизм – это феномен цифровой среды, тесно связанным с повсеместным развитием цифровых технологий. Медиааскетизм определяется как осуществляемые коммуникативные практики, характеризующиеся осознанным использованием медиа и связанные с реакцией людей на определённые практики принуждения (стратегии), реализуемые в цифровом пространстве. Наряду с термином «медиааскетизм», исследователи активно прорабатывают и другие понятия: цифровой детокс, цифровая диета, медленное движение, цифровой минимализм, медиаснобизм. Многообразие терминов, описывающих дистанцирование людей от интернета и цифровых девайсов, подчёркивает важность социальной проблематики влияния интернета, вмешательства технологий в личную жизнь человека. Таким образом, представляя медиааскетизм через континуум, протяжённый от бесконтрольного использования до дистанцирования от использования цифровых технологий, в самом центре которого – осознанность в использовании, что и представляет собой сущность данного социального феномена.

Для описания и анализа особенностей медиаскетизма как социального феномена в молодежной среде было взято 22 интервью у респондентов в возрасте от 18 до 34 лет, имеющих опыт ограничения своей активности в интернете, весной 2021 года.

Люди двух исследуемых возрастных категорий по-разному воспринимают применение практик ограничения использования интернета. Например, те, кто относится к категории 18-24 года, часто рассматривают для себя ограничение использования интернета как своеобразный «вызов», «эксперимент», «развлечение»: *«Это было просто ради забавы»* (И., м., 18), *«В качестве эксперимента дала себе около 2 недели»* (Н., ж., 20), *«Для нас это было как развлечение, а почему нет, почему бы не попробовать»* (С., ж., 24). Анализ транскриптов интервью данной возрастной категории респондентов позволяет сделать вывод о том, что в некотором роде ограничение доступа в интернет может быть рассмотрено как игра, в которой человек ставит перед собой определённые ограничения и старается им следовать. Они могут действовать импульсивно и спонтанно, принимая решение контролировать интернет-активность: *«И это было спонтанное решение»* (С., ж., 24). Кроме того, информанты 18-24 лет неоднократно поднимали вопрос ограничения интернета из-за родителей: *«Родители запрещали, пароли ставили»* (Н., ж., 23), *«Провинился, родители сказали, что ты там без карманных денег, без интернета»* (И., м., 18).

Была получена информация о разных способах контроля информантами своей интернет-активности. Можно выделить различные типы социальных практик медиаскетизма.

В ходе исследования было сформулировано два вида практик: вынужденные и добровольные. Вот что об этом говорят информанты: *«Если учитывать вынужденный отказ от интернета, то это когда ложился провайдер. <...> Добровольный тоже был от-*

каз, когда мы, соответственно, едем в отпуск, например <...> и там нет никаких выходов в интернет» (И., м., 26).

Один из информантов предложил следующее разделение ограничительных практик: *«Положительный – это сознательное ограничение своей активности в сети, когда я просто провожу за использованием сети меньше времени. А отрицательный<...> когда родители запрещали, пароли ставили. А сейчас, когда барахлит интернет, когда я забываю за него заплатить, когда я в каком-то месте, где он плохо ловит»* (Н., ж., 23). Таким образом, можно выделить положительные практики, связанные с самостоятельным решением контролировать свою активность в интернете, и отрицательные, сопровождающиеся дискомфортом человека в связи с отсутствием доступа к сети. Подобное определение информантом своего опыта, касающегося контроля интернет-активности, позволяет иначе посмотреть на типологию ограничительных практик. В действительности, описание добровольного или вынужденного опыта ограничения использования интернета зачастую сопровождается выражением через личные переживания. Определение ограничительных практик как вынужденных или добровольных в ходе проведения исследования часто вызывало у информантов затруднения, поэтому они описывали ситуации с помощью оценочных суждений или предлагали для них собственное обозначение.

Например: *«Неспециально – это когда что-то, не знаю, перестаёт работать»* (О., ж., 28), то есть речь идёт о вынужденном опыте, но информант не смог самостоятельно определить это. Другой пример: *«Я не то, что себя как-то ограничиваю. <...> Я могу просто устать за день от него. Я просто плюну и скажу: “да ну нафиг”. Сейчас будет одно сообщение, потом мне ответят, ещё раз, поэтому я вот если ложусь спать, то уже всё, не отвечаю»* (А., м., 25). В данном интервью информант не смог

определить свой опыт как добровольное ограничение, хотя говорил о том, что отключает интернет на смартфоне перед сном и читает книги «оффлайн». Тем не менее, он прибегает к эмоциональному описанию опыта.

Помимо вариантов «специально, неспециально», «положительно, отрицательно», был предложен ещё один вариант обозначения добровольного и вынужденного отказа: как преднамеренные и непреднамеренные практики. Например: «*Преднамеренно – так чтобы там весь день не выходить в интернет*» (И., м., 24). Преднамеренность осуществления такой практики означает целеполагание, появление желания контроля своей активности в интернете, постановки перед собой цели и её достижение в форме ограничения собственного нахождения в интернете. Тем не менее, важно отметить, что осознанность человека при реализации ограничительных практик – крайне сложный аспект, оценить который бывает непросто. Если вынужденные практики точно можно описать как непреднамеренные из-за того, что такой опыт ограничения зависит от объективных причин, то добровольные практики не во всех случаях можно описывать как преднамеренные. Например, один из информантов сказал следующее: «*Это не сознательное решение. Это не прям, знаешь, какое-то сознательное ограничение, а вот, скорее, надоел он тебе просто*» (А., м., 25). Или: «*Специально я не отказывалась. Это выходило случайно*» (Н., ж., 23). Таким образом, человек может контролировать свою активность в интернете, даже не замечая этого за собой. Практики медиааскетизма, как правило, трудно осознаются людьми. Читая скачанную в интернете книгу на смартфоне с выключенным интернетом или слушая музыку в фоновом режиме, при этом выполняя какую-либо деятельность вне интернета, человек не всегда отдаёт себе отчёт, что так он ограничивает свою активность в интернете. Это осложняется ещё и тем, что в настоящее время граница между онлайн и оффлайн состоянием не является очевидной. Повседневная жизнь активно технологизируется, и информанты по-разному вос-

принимают и описывают свои ограничительные практики в цифровом пространстве.

В целом, все описанные информантами практики медиааскетизма могут быть собраны в следующую систему:

1) контроль (отсутствие ограничения доступа к интернету, человек контролирует время, проводимое в интернете, пытается умеренно получать информацию, сокращает количество уведомлений и т.д.);

Например: *«Я бы сказала, что не ограничиваю, а, скорее, контролирую. Я стараюсь осознанно подходить к тому, чем я занимаюсь в интернете».* (С., ж., 24).

Ещё один способ контроля своей активности в интернете – просмотр статистических отчётов, составляемых смартфоном, который считает количество часов использования устройства. Например: *«У меня айфон еженедельно статистику мне выдаёт, сколько времени я провела в телефоне»* (З., ж., 25).

2) частичное ограничение (совмещение практик, способы частичного ограничения: неиспользование социальных сетей или конкретных интернет-ресурсов, выключение смартфона в определённое время суток и т.д.);

Например: *«Да, сейчас я пытаюсь комбинировать, то есть понял, что отказаться совсем невозможно, то есть это как прыгать из крайности в крайность»* (М., м., 27).

3) отказ (выход из интернета, ограничение доступа к нему).

Например: *«Я могу в выходные, допустим, полностью отказываться от интернета»* (Р., м., 27).

Исходя из интервью с информантами, не все готовы прибегать к отказу от интернета, считая этот способ радикальными мерами: *«Вообще, первый раз – неделю. Сейчас я уже не так радикальна»* (С., ж., 24).

Важно отметить, что готовность к реализации ограничительных практик зависит от возраста. В то время как представители категории 25–34 года более спокойно относятся к отсутствию ин-

тернета и готовы даже намеренно уехать в место без доступа к сети, представители возрастной категории 18–24 года высказывают меньшую готовность к отказу от интернета. Например: *«Нет, не ограничиваю сейчас. Вообще не представляю себя без интернета. Интернет – это моя жизнь. Я провожу в нём всё своё свободное время. Некомфортно без него»* (И., м., 18). Или: *«Что есть интернет, что нет интернета. Абсолютно всё равно. <...> Поэтому я не замечаю отсутствие интернета на себе»* (И., м., 26).

Список литературы:

1. Влияние интернет-зависимости на жизненные приоритеты / С.А. Грязнов // Столыпинский вестник. – 2020. – № 3. – С. 1-9.
2. Современные тенденции использования социальных сетей в структуре массовой коммуникации и журналистики / Е.В. Афанасьева // Медиасреда. – 2020. – № 1. – С. 125-130.
3. Информационное общество / А.В. Маланьин, А.П. Сидорова // Научный диалог: молодой учёный. – 2020. – № 9. – С. 48-55.
4. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности / Ю.А. Зубок, Е.В. Чанкова // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – Т. 5. – № 4. – С. 139-150.
5. Медиааскетизм: теория и практика / А.О. Толкачёва // Экология медиасреды: межвуз. сб. науч. тр. – 2018. – Вып. 3. – С. 265-273.
6. Аскеза как антропологическая парадигма глобального экономического сознания / А.А. Артемьева // Вестник Ивановского государственного университета. – 2020. – Вып. 2. – С. 89-97.
7. Цифровая реальность в контексте процессов коммуникации и экзистенции человека / Е.В. Лазинина // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11. – № 2. – С. 78-89.